

Иньжэн в унынии признавал, что за две жизни так и не научился быть со всеми ласковым да угодливым. Сейчас же изображать детское простодушие не оставалось ни сил, ни желания. Напустив на себя угрюмый вид, он тихо сидел за столом, уставившись на заданные учителем каллиграфические свитки.

В Императорской школе — Цзи Сяолань поглядывал на двенадцатого принца Юнцзи, прилежно углубившегося в чтение, и про себя одобрительно кивал: мальчик явно тянется к знаниям. Но стоило перевести взгляд чуть дальше... Третий молодой господин Фуча, Фуканъань, сидел позади принца и откровенно витал в облаках!

Цзи Сяолань лишь покачал головой. Впрочем, ладно. Для обоих юношей это был лишь первый день занятий, не стоило сразу лишать их лица. Пройдя мимо учеников, учитель поправил воротник. Сегодня заметно похолодало. Погода нынче стояла капризная, простудиться в такие дни — пара пустяков. Надо будет, вернувшись домой, обязательно выпить горячего имбирного отвара.

Иньти смотрел на давно забытые стены Императорской школы без особого трепета — ничего светлого или памятного в этих стенах для него не осталось. И все же бывшее задело какие-то струны в его душе. Но стоило ему, поддавшись непривычной сентиментальности, переступить порог класса, как благодное настроение мигом улетучилось. Виной тому были сидевшие на первых партах пятый принц Юнцзи и его банда. Их самодовольный вид вызвал у Иньти лишь глухое раздражение. Юнцзи давно пора было поручить государственные дела, а он все отирался в школе, деля с малолетними братьями похвалы наставников. О чем только думает Цяньлун! Но забавнее всего было это надменное, полное самолюбования выражение лица пятого принца. Усевшись впереди остальных, он и его банда выглядели так нелепо, словно у них на лбу было крупно выведено слово «болван».

Иньти лишь скользнул по ним презрительным взглядом и тут же перевел глаза на спокойную спину сидевшего впереди Иньжэна. Он вспомнил, как переменился в лице его бывший соперник, едва завидев его: сначала помрачнел, затем мгновенно нацепил привычную маску хмурого безразличия и после пары дежурных любезностей выставил между ними стену ледяного отчуждения.

Иньти вновь безмолвно вздохнул. Баочэн... ты больше не тот блистательный, гордый наследный принц, каким был когда-то. Впрочем, его теперь окружали надежные люди. Взять хотя бы слугу по имени Линь Яо, что преданно ждал в стороне. Тот ловил каждое слово Иньжэна и никогда не позволял себе своеволия или глупой инициативы.

От этих мыслей у Иньти внезапно защемило сердце. Да, когда-то именно ослепительная гордыня Баочэна заставила братьев ополчиться против него, страстно желая низвергнуть его в грязь. Но даже оказавшись на самом дне, свергнутый принц сохранил свою неприступную, высокомерную статью, словно весь мир вокруг не стоил его взгляда. Похоже, все его метания после первого низложения были лишь тонкой игрой. Он выстраивал пути отступления для своих детей и рассчитал все безупречно... если не считать того, что доверился не тому человеку.

Иньти прищурился и мысленно вздохнул.

«Все-таки мы родная кровь. Наша одержимость одинакова до безумия»

Глядя на хрупкую, тонкую фигуру Иньжэна, Иньти помрачнел. Никакая маска не способна вечно скрывать былое величие. Нельзя просто так взять и похоронить ту величественную грацию, что когда-то принадлежала хозяину Восточного дворца.

Если бы в тот день он случайно не перехватил мимолетную ухмылку этого мальчика и не уверился в его истинной сути, то, глядя на его нынешний угрюмый вид, вовек бы не признал в нем безудержного, вспыльчивого наследника престола. Иньти долго размышлял об этом, но вдруг перестал хмуриться и довольно улыбнулся.

«Баочэн, ты действительно тот, о ком я думал две жизни подряд. Каков хитрец! Нарисовал в уме образ самого безобидного и незаметного принца и безупречно вжился в роль, обеда вокруг пальца решительно всех. Вот только одного ты не учел: величие, выжженное на самой душе, не спрячешь под чужой личиной. Твоя попытка прикинуться серостью — пожалуй, единственная твоя ошибка в этой жизни»

Вспоминая сегодняшнее поведение Иньжэна — тот явно узнал его, но изо всех сил делал вид, что они чужие, — Иньти легко угадывал его мысли.

«Что ж, тем лучше, — подумал он с лукавой усмешкой. — По крайней мере, ради взаимной выгоды мы сохраним видимое приличие и сможем ужиться под одной крышей. А старые, запутанные обиды прошлой жизни... их не распутать за один день. Здесь спешить нельзя. Благо терпения у меня в этой жизни хоть отбавляй»

Юнцзи только-только оправился от тяжелой болезни, и лекари в один голос твердили, что ему нужен покой. Сердце императрицы Налы обливалось кровью при виде исхудавшего сына. Взяв с собой историю болезни Юнцзи и заключение дворцовых врачей, она лично отправилась просить за него перед императором. Выслушав убедительные доводы лекарей, Цяньлун, который в последнее время относился к супруге благосклонно, проявил щедрость и разрешил двенадцатому принцу отложить изнурительные тренировки по боевым искусствам до полного выздоровления.

Таким образом, его учеба в Императорской школе ограничивалась лишь утренними уроками словесности. После полудня он мог ненадолго заглянуть на тренировочный плац, а мог и сразу вернуться к себе в Обитель принцев.

Как только занятия подошли к концу, Иньжэн вместе с Иньти направился во дворец Икунь, чтобы выразить почтение императрице. Стоило Нале одарить Иньти памятными подарками, как Иньжэн тут же спровадил его прочь, а сам поспешил во внутренние покои. Императрица и принцесса Ланьсинь лишь тепло улыбались, радуясь крепкой дружбе братьев, и с удовольствием слушали доклады слуг о том, как двенадцатый и тринадцатый принцы резвятся и играют в прятки.

В последние годы императрица Нала научилась смотреть на вещи гораздо проще. Линь-фэй родила четырнадцатого принца Юньлу, но тот оказался на редкость болезненным младенцем. Сама же Нала, дав несколько ненавязчивых советов наложнице Си и благородной даме Лань, сумела выстроить в гареме тонкое равновесие сил. Теперь там воцарилось относительное безвластие, разделившее влияние между четырьмя соперничающими сторонами.

Окончательно отпустив обиды и вырвав из сердца безответную любовь к императору, Нала стала относиться к происходящему во дворце как к забавному спектаклю. Она научилась находить удовольствие в мелких интригах, хотя больше всего радости ей, конечно, доставляли ее собственные сыновья, которые ежедневно устраивали веселую суматоху.

Находясь в прекрасном расположении духа, императрица принялась со смехом рассказывать Ланьсинь о забавных шалостях мальчиков в раннем детстве. Покои наполнились их звонким смехом, создавая редкую для дворца атмосферу тепла и уюта.

Тем временем во внутренних комнатах Иньжэн наконец-то поймал увертливого Хунши. Повалив его на постель, он замахнулся и шутливо отшлепал младшего брата.

Хунши, полулежа на животе, скорчил умильную мину и преданно заглянул старшему брату в глаза, всем видом изображая крайнюю степень незаслуженной обиды. Он принялся дергать Иньжэна за рукав, умоляя о пощаде.

— Гэгэ...

Глядя на эту уморительную картину, Иньжэн не выдержал и рассмеялся, от его напускного гнева не осталось и следа. Шумная возня изрядно утомила обоих, так что он просто отпустил брата и со вздохом растянулся рядом с ним на ложе.

После долгой беготни оба изрядно вспотели. Хунши бросил выразительный взгляд на Линь Яо и Ли Сяна. Верные слуги все поняли без слов: они тут же отослали лишних евнухов и приказали подготовить горячую воду и чистые шелковые одежды.

Иньжэн молча созерцал узоры на балдахине кровати. Размышляя о причудливом переплетении судеб в прошлой жизни, он вдруг тихо усмехнулся. Как странно: в дни своего величайшего триумфа он делил мир с этим человеком, и в моменты самого позорного падения они тоже оказались бок о бок.

Заметив, как грустно и изможденно улыбается брат, Хунши без труда догадался, чья тень потревожила его покой. Он по-детски доверчиво прижался к Иньжэну, обнял его за шею и тихо позвал:

— Гэгэ...

С того самого мига, как они повстречали Иньти, Хунши понял: то пугающее предположение, которое они так долго гнали от себя, стремительно обретает плоть.

Поначалу перспектива жить с памятью о прошлом приводила его в ужас. Одиночество среди людей, не знающих его настоящей сути, сводило с ума. В те темные дни он страстно молил небо послать ему хоть кого-нибудь с похожей судьбой — неважно кого, лишь бы не оставаться один на один с этим безумием.

Он был безгранично благодарен небесам за то, что они подарили ему этого брата. Прежняя, разрывающая душу тоска и отчаяние давно остались позади. Хунши искренне надеялся, что в этой жизни сможет просто тихо и счастливо жить рядом со своим гэгэ, матушкой-императрицей и сестрой Ланьсинь. Но суровая реальность рушила эти наивные мечты.

Когда-то он радовался, что знание ошибок прошлой жизни убережет его от неверных шагов. Но теперь их общая тайна казалась дамокловым мечом, нависшим над головой. Что, если другие братья тоже переродились? Что, если они займут тела тех, кто ему сейчас дорог? От этих мыслей Хунши становилось не по себе; он всерьез боялся потерять рассудок от страха.

Он крепче обхватил Иньжэна за плечи. Больше нельзя плыть по течению. Если они хотят уберечь свой хрупкий покой, им придется пустить в ход все свои таланты и былую хватку.

Иньжэн ласково привлек к себе встревоженного брата и успокаивающе похлопал по плечу:

— Обо всем позаботится твой брат. Тебе не о чем беспокоиться.

«Когда тебя так балуют, легко стать бесхребетным»

Хунши устроился поудобнее на груди Иньжэна и прикрыл глаза, решив позволить себе эту минутную слабость. В последний раз. Только в самый последний раз.

На следующее утро третий молодой господин Фуча явился в школу с такими темными кругами под глазами, что Иньжэн, позабыв о приличиях, от души рассмеялся ему в лицо. Физиономия Иньти сделалась мрачнее грозовой тучи. Он сердито уставился в затылок веселящегося принца, мысленно проклиная все на свете.

Позже выяснилось, что виной всему была глупая ссора с младшим братом, из-за которой отец и старший брат читали Иньти нотации до самого рассвета. Узнав об этом, Иньжэн покатился со смеху. Насилу уняв веселье, он многозначительно заметил:

— Яолинь, старшему брату подобает проявлять великодушие. Младшие еще малы, их нужно баловать.

Иньти смерил его укоризненным взглядом.

«И ради кого, по-твоему, я все это терплю?»

Мысль о том, что грозному Иньти и в этой жизни приходится уступать младшим братьям, изрядно повеселила Иньжэна. На радостях он решил больше не донимать его своими подколками.

С того дня Иньжэн и Хунши стали вдвойне осторожны. Они тщательно следили за каждым своим жестом, искореняли старые привычки и старались вести себя в точном соответствии с новыми ролями, попутно придирчиво контролируя друг друга. Одновременно с этим они начали тайно расширять круг верных людей за пределами двора.

Поначалу Хунши подумывал о том, чтобы попытаться прибрать к рукам остатки некогда могущественной клики Восьмого принца, но вовремя одумался.

«Поспешность погубит любое дело»

Хунши постоянно напоминал себе об этом.

Выкроив свободное время, братья снова тайно встретились с Хунвэем. Тот выглядел изнуренным и бледным — судя по всему, его терзало чувство вины за прошлые неосторожные жалобы. Иньжэн мягко успокоил сына, велел ему не изводить себя напрасно и жить спокойной жизнью. Чтобы как-то облегчить его участь, он передал под его начало нескольких лучших умельцев из своих тайных людей и переписал на его имя несколько весьма прибыльных лавок в столице.

Слушая неторопливые наставления Иньжэна, Хунвэй едва сдерживал слезы. Хотя общаться с собственным отцом, запертым в теле маленького ребенка, было непривычно и странно, рядом с ним он впервые за долгие годы ощутил себя под надежной защитой. Внезапное появление новых слуг и богатых лавок могло привлечь ненужное внимание властей, но, вспомнив, как тяжело приходится его братьям, Хунвэй все же принял дары.

Иньжэн прекрасно понимал, что столь щедрые подношения могут вызвать подозрения, но смотреть сквозь пальцы на бедственное положение собственных детей у него не хватало духу. Разумеется, он заранее продумал, как отвести глаза соглядатаям. Детально изложив свой план, он поймал восторженный, полный сыновней преданности взгляд Хунвэя, и сердце его сжалось от горечи. В прошлой жизни он совершил слишком много ошибок, не сумев защитить свое потомство. И хотя сейчас Иньжэн постарался предусмотреть любую мелочь, он все же тайно приставил к Хунвэю надежную охрану. Пообещав скорую встречу, он уговорил растроганного сына вернуться домой.

В отдельном кабинете на третьем этаже Ресторана Драконьего Источника Хунши сидел с книгой в руках. Едва Иньжэн бесшумно проскользнул обратно через потайную дверь, он с облегчением захлопнул едва начатый том. Спустившись вниз, братья сели в экипаж и поехали обратно в Запретный город.

Они сидели друг напротив друга, прикрыв глаза и погрузившись в молчание.

Пройдя через горнило двух жизней и оказавшись в столь шатком положении, они вновь были вынуждены ступать по тонкому льду, где каждый шаг мог стать роковым.

Время шло своим чередом. Минуло несколько лет, и в Запретном городе сохранялось относительное затишье. Сердцем императора по-прежнему безраздельно владела нежная и покладистая Линь-фэй, а его любимцем оставался пятый принц Юнци, преуспевший как в науках, так и в ратном деле.

В то же время во дворце Икунь императрица Нала крепила свое влияние, становясь все более хладнокровной и расчетливой. Ее сыновья, двенадцатый принц Юнци и тринадцатый принц Юнцин, не выказывали особых талантов, оставаясь в глазах двора серыми и заурядными посредственностями. Принцесса Ланьсинь по-прежнему пользовалась благосклонностью, но теперь это не было пустой придворной лестью — ее имя официально внесли в императорскую родословную книгу Юйди как законную дочь императрицы, после чего она переехала в Западные покои.

Во время прошлого набора невест в гарем вдовствующая императрица Нюхуру поручила Нале руководить отбором. Та проявила недюжинный такт: поровну отобрала благонравных девиц из знатных семей и кокетливых красавиц, а окончательное решение деликатно предоставила принять самой Нюхуру.

Такая показная покорность и благоразумие Налы пришлись по душе Цяньлуну. Старый Будда также осталась крайне довольна уважением и почтением, которые выказывала ей императрица.

Дворцовые порядки тяготили вдовствующую императрицу, и весной двадцать пятого года правления Цяньлуна она решила отправиться в паломничество к горам Утайшань, дабы вознести молитвы о благоденствии империи Цин и немного перевести дух. Цяньлун, славившийся сыновней почтительностью, лично распорядился подготовить пышную свиту и со всеми почестями проводил мать в путь.

Оставшись в гареме за главную, Нала заблаговременно попросила Нюхуру назначить ей в помощницы двух благородных супругов для ведения повседневных дел. Сама же она под предлогом легкого недомогания после проводов вдовствующей императрицы затворилась во дворце Икунь, прекратив принимать ежедневные утренние визиты наложниц.

Лишившись строгого надзора, обитательницы гарема затеяли тайную войну за влияние. Под покровом внешнего благополучия бурлили нешуточные страсти, а Цяньлун, избавленный от докучливых правил, с удовольствием предавался плотским утехам, каждый день пробуя новые развлечения.

Четырнадцатый принц Юньлу с рождения отличался слабым здоровьем, а бесконечные интриги его матери Линь-фэй окончательно подорвали его силы. Лекари разводили руками,

шепотом предупреждая, что дни мальчика сочтены. Однако Линь-фэй оказалась на редкость безжалостной женщиной: она продолжала использовать угасающего сына как пешку в своей игре, разыгрывая перед императором безутешное горе. Цяньлун, растроганный ее «материнским отчаянием», вновь проникся к ней жалостью, и влияние фаворитки стало стремительно расти, грозя вернуть ей былое единовластие в постели государя.

Узнав об этом, Иньжэн лишь горько вздохнул. Как бы то ни было, ребенок не заслуживал такой участи. Поразмыслив, он тайно приказал верным лекарям составить щадящий укрепляющий отвар, чтобы хоть немного облегчить страдания несчастного Юньлу и продлить его хрупкую жизнь.

Хунши приближался к возрасту, когда пора было приступать к серьезной учебе. Цяньлуну не нравилось, что тринадцатый принц безвылазно сидит во дворце Икунь под крылом матери, и он велел ему переселиться в Обитель принцев. Хунши без лишних споров занял пустующий двор прямо по соседству с Иньжэном.

Впрочем, большую часть дня он по-прежнему проводил у императрицы. В тихих покоях дворца Икунь Нала неторопливо занималась делами гарема, Ланьсинь вышивала или молилась, а Хунши читал книги — все они мирно ждали, когда Иньжэн вернется после занятий. Видя, как ладно и счастливо живут его жена и дети без его участия, Цяньлун ощущал лишь укол глухой досады. Чувствуя себя лишним в их семейном кругу, он стал еще реже навещать Икунь, предпочитая проводить время в объятиях многочисленных наложниц.

Иньжэн планировал дожждаться, пока Хунши подрастет, чтобы начать посещать уроки верховой езды и стрельбы из лука вместе с ним. Он упорно игнорировал любые подначки со стороны Иньти. Однако тот проявил недюжинное упрямство и в конце концов силой утащил его на тренировочный плац. В глубине души Иньжэн всегда любил скакать во весь опор, поэтому вскоре эти вылазки вошли у него в привычку. Императрица Нала, заметив, что после упражнений на свежем воздухе щеки сына порозовели, стала всячески поощрять настойчивость Иньти.

Обеды во дворце Икунь с каждым днем становились все оживленнее. Ланьсинь теперь часто уходила молиться в буддийский храм при дворце Милосердия и Покоя, но к полудню неизменно возвращалась. За столом все четверо увлеченно беседовали, а стоило императрице удалиться на послеполуденный отдых, Иньжэн и Хунши отправлялись в Обитель принцев корпеть над книгами. К их возвращению Иньти уже непременно поджидал в комнате Иньжэна, чтобы вместе с Хунши проследить, как упрямый принц выпьет горькое лекарство.

После этого во дворе воцарялся покой. Хунши устраивался в кресле с чашкой ароматного чая и лениво листал какой-нибудь дорожный дневник. И пусть описания чужих стран были довольно скучными, разыгрывавшийся перед его глазами спектакль Иньжэна и Иньти — бесконечные пикировки в духе «шаг вперед, два назад, один злится, другой ластится» — изрядно развлекал его и неизменно поднимал настроение.

Оба прекрасно знали, кто стоит перед ними, но упрямо держали язык за зубами. Ни один не желал заговорить первым, словно это было признанием поражения. Наблюдая за этим детским

упрямством двух бывших государственных мужей, Хунши лишь качал головой от безмерного изумления. Впрочем, видя, как Иньжэн с каждым днем расцветает и забывает о прежней хандре, он искренне радовался, мысленно отдав должное столь изощренному умению своего дяди ладить с людьми.

И все же без трудностей не обходилось. Подперев рукой подбородок, Хунши задумчиво наблюдал за спорящей парочкой. Иньжэну исполнилось девять лет — возраст, когда мальчики начинают стремительно расти и мужать. Его фигура вытянулась, а врожденное благородство и величие все отчетливее проступали сквозь навязанную маску безразличия. Хмурая тень, долгие годы лежавшая на его лице, постепенно рассеялась, уступив место странному сочетанию ледяного спокойствия и скрытой силы. Этот неуловимый сплав величия и отстраненности поневоле приковывал к нему взгляды, заставляя окружающих сжиматься от почтения и жалости. Скрывать такую натуру становилось все сложнее. Юный двенадцатый принц невольно оказывался в центре внимания, где бы ни появился, и результатом этой нежелательной популярности стало высочайшее повеление: Цяньлун лично приказал внести имя Юнцзи в список участников предстоящей осенней охоты.

<http://bllate.org/book/18338/1804590>